

ВАЛЕНТИНА ИВА

СУБСТАНЦИЯ
ВРЕМЕНИ

Валентина Ива

Субстанция времени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24402210

Субстанция времени. / Остапенко В.И.: Десятая Муза; Москва; 2017

ISBN 978-5-9909848-3-7

Аннотация

Какие бы великие или маленькие дела не планировал в своей жизни человек, какие бы свершения ни осуществлял под действием желаний или долгов, в конечном итоге он рано или поздно обнаруживает как легко и просто корректирует ВСЁ неумолимое ВРЕМЯ. Оно, как одно из основных понятий философии и физики, является мерой длительности существования всего живого на земле и неживого тоже. Его необратимое течение, только в одном направлении, из прошлого, через настоящее в будущее, бывает таким медленным, когда ты в ожидании каких-то событий, или наоборот стремительно текущим, когда твой день спрессован делами и каждая секунда на счету. Трудно представить течение времени вечным, как и трудно вообразить бесконечность вселенной. В ткани этого волшебства и живёт человек, смотрит, слушает, мыслит, творит. Мои маленькие рассказы это выхваченные из потока времени сюжеты. Они гласят: «Остановись, мгновение, ты такое разное:

и прекрасное и ужасное!». Все рассказы вымышленные. Все совпадения случайны.

Эта книга продолжает серию книг автора, созданных для ценителей жизни, людей, обладающих чувством юмора. Автор в отдельных коротких рассказах или новеллах делится своим восприятием жизни. В книге драматические события сочетаются с неожиданными смешными случаями, наблюдавшимися автором или услышанными им от друзей и знакомых.

Содержание

А что, собственно, произошло?	5
Белочка	16
Где я?	24
Два малыша	30
Восемнадцать лет в разлуке	40
Дама в перчатках «Гловелетты»	53
Звук надежды	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Валентина Ива Субстанция времени

А что, собственно, произошло?

Правое веко дергается уже третий день. В молодости никогда не случалось таких неприятностей. В зрелые годы, если только сильно понервничаешь, а сейчас, после шестидесяти, только чуть поволнуешься, – тут же этот тик противный выныривает, как чёрт из табакерки, и никакая валерьянка не помогает.

Елизавета Павловна стояла у окна дачного дома своей племянницы Катюши в комнатке, которая называлась «Лизочкина» и думала, как же неверно она поступила, согласившись поехать в гости, на дачу. Катенька настояла, чтобы Лиза поехала и подышала свежим осенним воздухом, полюбовалась желтым листопадом и буйно цветущими астрами. Она только что приехала из Милана, где была на конференции и соскучилась, настаивала на совместной поездке поближе к природе, щебетала как весенний соловей, возвратившийся в родные места из чужбины, в то время как за окном желтела осень. Когда Катюша сообщила, что муж Даниил занят, и выходные проведет в Москве, и с ними не поедет на дачу, Елизавета Павловна решила, что это судьба так распоряжается.

Чему быть, того не миновать, и она решила ехать. Вот, теперь стоит у окна и мятущаяся её душа не может успокоиться и угнездиться в её немолодом теле, в котором всё меньше и меньше места для спокойствия и гармонии. Целый день она не находила себе места. Всё думала: что делать? Говорить или нет? Но к вечеру неожиданно подъехал Даниил на своей машине, и Елизавета Павловна совсем растерялась. Ей показалось, что он смотрит прямо в её душу и видит её насквозь. Как-то холодно поздоровался. Раньше всегда целовал в щеку, а сегодня не стал. Зачем она согласилась приехать, тем более что давно уже любила ночевать только у себя дома в собственной кровати, а везде в других местах было мучительно и неудобно. Среди ночи она не спала, читала, часто вставала и бессмысленно сидела на кровати, унимая трепыхающееся сердце. Ей не хотелось никого беспокоить. Катюша уже пять раз спросила: «Что с тобой, Лизочка моя? Ты плохо себя чувствуешь?», а тут Даниил ходит и молчит. Она робко наблюдала за ними. Вроде всё как обычно: никаких ссор, никакого раздражения, всё очень мило. Вот, мерзавец, как закамуфлировался, прямо заслуженный артист, нет: ведет себя как народный, не подкопаешься.

«Катюшка, что тебе подать, моя радость, хочешь еще чаю, моя сладость? Какой блудливый кот! Вы только посмотрите!» – Елизавета Павловна придерживала дергающийся глаз уже двумя руками.

После чаепития разошлись по комнатам, пожелали спо-

койной ночи. Вот теперь Лиза стоит у окна спальни на втором этаже. Сна нет ни в одном глазу. На улице стемнело, но перед её окном горит фонарь и освещает крошечные, редкие снежинки, которые бессмысленно кружатся и перерастают, то в снег, то в дождь.

Два дня назад, когда они с подругой Машей слушали в Москонцерте стихи поэтов Серебряного века, Анны Ахматовой, Константина Бальмонта и Андрея Белого, оформленные современной бардовской гитарой, она и подумать не могла, что через какие-то пару часов её нервная система претерпит цунами, в переносном смысле, конечно. После литературного вечера они вышли в шум вечерней Москвы и решили прогуляться по Никольской улице до метро. Спустились в туннель на Площадь Революции и тут их пути разошлись: Маше нужно было ехать в сторону Измайлово, а Лизе – в противоположную, в сторону Кунцево.

– Смотри, кино снимают! – воскликнула Маша, – ну, пока, целую!

Они распрощались. Маша сразу вошла в поезд и уехала, а Лиза уронила перчатку. Пока она её поднимала, мимо прошёл Даниил, крепко обнимая за плечи молодую пухлую женщину с распущенными русыми волосами. Елизавета Павловна хотела его окликнуть, но они быстро прошли вперед. Остановились около бронзового пограничника с собакой, нос которой желающие обрести удачу в сдаче экзаменов и зачётов, или счастье, кому не хватает, отполировали

до яркого блеска. Они были заняты друг другом, о чём-то страстно говорили и вдруг стали чувственно целоваться, как школьники, не обращая ни на кого никакого внимания. Рядом с лестницей трое мужчин с видеокамерами снимали толпу людей, снующих по станции и по переходу, торопящихся по своим делам. Лиза так растерялась, что застыла, как соляной столб. Задетая потоком людей, она уронила не только обе перчатки, но и сумочку, которую ей поддал какой-то мужчина:

– Нехорошо так пристально смотреть на чужое счастье, – проговорил он мимоходом.

Лиза не знала, куда деваться, ей казалось, что сейчас Даниил обернётся, и она попадетсЯ, как нашкодившая школьница. Елизавета Павловна забежала за угол и опустилась на скамью. Они появились на перроне и направились прямо к ней. Тогда она вскочила и спряталась за бронзового солдата с отполированным ружьём, крепко ухватившись за его ботинок. Один мужчина с видеокамерой вышел на перрон, а второй продолжал съёмку посерединедвигающейся массы народа. Ей хотелось сию минуту уехать, но она не могла ступить и шагу. Кровь пульсировала в висках, стало жарко, как в сауне, по спине потекли струйки пота, из-под шляпки капельки сползли прямо по щекам.

– Вам плохо? – спросила женщина.

– Нет, нет! Всё хорошо! – и Лиза переключалась к революционному бронзовому матросу с наганом. Она тихонько вы-

сунулась, как из окопа, и увидела плотную спину русоволосой, которую нежно и неумолимо поглаживал Даниил. Сосуды головы запульсировали как тридцатидвушное фуэте и жар разлился по всему телу.

«Ну, вот, как это неприятно! Как неожиданно! И, главное, казалось, что такого не может быть никогда. Катюша завтра приезжает из-за границы, а тут такой сюрприз!» – Лиза думала отрывисто, эмоционально и неспособна была спокойно ни о чём рассуждать, а только плакать. Плакать в метро было неудобно, но слёзы сами подкатывали и стекали по щекам. Ей показалось, что, когда она шагнула к раскрывающимся дверям вагона поезда, Даниил посмотрел на неё из-за плеча русоволосой. Она судорожно нырнула за бронзовую скульптуру петуха с отполированными перьями и промокнула потный лоб.

«Не я целуюсь в метро, но почему-то мне так волнительно и плохо!!!», – подумала она.

Елизавета Павловна задернула штору, откинула одеяло и села на постель. В дверь постучали.

– Лиза, к тебе можно? А почему ты не ложишься? – с тревогой шепотом спросила Катя.

– Всё хорошо, – так же шепотом ответила Елизавета Павловна, – что-то сна нет. Сейчас накапаю себе капелек двадцать пять, и всё станет на место.

– Не нравишься ты что-то мне сегодня. Какая-то тревожная, что случилось?

– Ну, абсолютно ничего! Иди спать.

– Смотри у меня! Спокойной ночи! – Катя поцеловала тётку в щеку и закрыла дверь.

Ранним утром Елизавета Павловна услышала шум мотора, оторвала от подушки тяжелую голову. За окном мигнули огоньки похожие на машину Даниила.

«Ну, вот уехал! Сейчас пойду и всё расскажу Кате» – подумала она и тихонько выглянула в коридор. В доме тихо, как будто никого нет. Лиза в халате до пят медленно спустилась на первый этаж. Дверь на кухню прикрыта, но слышно, как шумит электрический чайник. Елизавета Павловна открыла дверь, и лоб в лоб столкнулась с Даниилом.

– А, попалась! – шутливый голос был совершенно некстати.

– Ну, раз мы с тобой в такую рань поцеловались лбами, я хочу тебя спросить, дорогой мой! – строго произнесла Елизавета Павловна и, выпрямив спину, подняв до небес подбородок, перешла на шепот: – Я очень люблю Катюшу и не позволю морочить ей голову!

– Я тоже люблю Катю, – растерянно произнёс Даниил, – что вы имеете в виду под этими словами?

– Я уже три дня мучаюсь, почти не сплю, у меня дёргается глаз и вообще – нервы ни к чёрту! Видит Бог, я не хотела сюда ехать, но Катя меня уговорила... Я могу и дальше молчать! Но я не могу молчать! Я видела, Даниил, как ты целовался в метро с какой-то женщиной!!!

– Кто целовался в метро? – спросила зевающая во весь рот Катя, открывая кухонные двери.

* * *

Весь этот длинный по причине раннего подъёма день Даниил похихатывал, прижимая Катю к себе со словами:

– Хочу целоваться в метрооо!!!

Или, встречая Елизавету Павловну в доме или в саду, вскрикивал:

– Леди Марпл, заходите. Мы купим Вам новые хорошие очки!!! Или лучше восьмикратный бинокль!!!

– Я не могла обознаться! Это был ты, Даниил, и прическа такая же и рост...

– И вес, – добавлял Даниил.

Оказывается, все эти три дня Катюша пребывала в Милане вместе с мужем. А в метро целовался кто-то другой.

– Слава Богу, что всё обошлось, – думала Елизавета Павловна, – глаз перестал дёргаться. Ну, и дура же я старая! Сколько нервов себе истрепала! А если и целовались, то что? Пусть все целуются на здоровье! Подумаешь, проступок! Лучше целоваться где попало, чем стрелять и убивать! Это я к чему? – Всякая дурь лезет в голову! Катюша, а почему ты мне не сказала, что Даня с тобой едет?

– Случайно получилось, дорогая моя! В следующий раз, если он будет где-нибудь целоваться, ты так не волнуйся! Хорошо?

– Гнусная девчонка, ты не представляешь, что я пережила!!!

А что, собственно, произошло?

Белочка

Водитель автобуса распахнул дверь, и морозный воздух ворвался в запотевший, жарко нагретый салон. Деревья густой шеренгой разбежались в разные стороны от остановки-стекляшки. Наглая жирная белка перепрыгивала туда-сюда с ветки на ствол осины прямо передо мной. Вот вам, пожалуйста, от остановки автобуса до Площади Революции столицы нашей Родины Москвы 20 минут езды, а тут природа в виде пушистохвостых зверьков чуть ли не в салон автобуса запрыгивает.

– Смотри, белочка! – мать попыталась привлечь внимание шестилетнего сынишки, уткнувшегося в смартфон. Её умиленный взгляд следил за прыгающим бесстрашным зверьком, сюсюкающий голос приторно звучал в тишине пустынной остановки автобуса. Недовольный ребенок краем глаза мазнул по деревьям и проворчал:

– Что я, белок не видал?

Действительно, в смартфоне столько всего интересно-го, такое многообразие вымышленных персонажей, фантастических уродцев, космических пришельцев, что какая-то обыкновенная белка в серой шубке с полулирообразным хвостом абсолютно не способна была завоевать внимание современного ребенка. Мальчик казался старше своей матери по мировосприятию. Его скептицизм просквозил во взгляде,

и стало понятно, кто кого воспитывает...

Почему же умиление матери при виде белки не вызвало во мне отклика? Сумерки раннего утра, как поздний неугомонный вечер, одинаково подействовали на меня:

*...Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...*

Вот и Пушкин на ум пришел, как кадры прошедшего дня перед сном прокручиваются в уме и никуда невозможно деться от неугомонных мыслей...

Сорок лет назад, только не зимой, а летом, белка в коричневой шубке весело скакала около рабочей столовой в районе Люберецкого района Москвы. Небольшой сквер, перетекающий в лесок, с двумя старыми полусгнившими лавочками приютил наше семейство на несколько минут перед началом грандиозного события под названием «свадьба». Моя свекровь, промокнув потный лоб, грузно опустилась на трухлявую лавочку со словами «Какой жаркий, душный день!», а свекор беседовал с племянницей Катериной, выдающей в этот день замуж свою дочь и пребывающей в ожидании свадебного кортежа. В ожидании молодых томились все рановато пришедшие гости, и мы, в том числе. Я прошла по тропинке в сторону перелеска и среди щепок, засохшей травы, осыпавшихся почек от тополей, спугнула белку, которая,

выронив из цепких лап часть своей добычи, стремглав забралась на дерево. Половину чего-то она доедала на ветке, а вторая половинка в виде головы с крыльями птенца синицы с распахнутым клювом корчилась в предсмертных судорогах на тропе. «Ах ты, кровожадная ненасытная красавица!» – моему изумлению не было предела, острая жалость к сожранному, не пожившему на земле птенцу, отвратительная окровавленная часть живого существа, еще раскрывающая клюв, еще живущая, еще трепетавшая крыльями, но уже ополовиненная голодной, такой красивой, такой сказочной белочкой! С тех пор я не умиляюсь этим грациозным зверькам...

...Кстати, о свадьбе. Как давно это было! Советский Союз еще не лишил народ надежды на светлое будущее, но некое расслоение общества уже существовало. Невеста была из состоятельной семьи, а жених – из семьи попроще, но это в то время почти не имело значения. Родители жениха взяли инициативу в свои руки. Богато накрытые щедрые столы ломились от яств в рабоче-крестьянской столовой с простыми столами, выщербленным кафелем и разбитым цементным полом. Рядом со мной сидела старушка – божий одуванчик, жена родного брата моего свёкра, без вести пропавшего в Великую Отечественную войну. Рядом с ней восседал какой-то министр из Грузии. Со стороны невесты среди приглашенных были и министры, и профессора, и академики. Грузинский министр с некоторым удивлением покру-

тил в руках алюминиевую кривоватую вилку и многозначительно, и даже несколько вопросительно, посмотрел на меня. Мои двадцать пять лет, конечно, меня украшали, но и роскошные кольца каштановых волос, и огромные зелёные глаза с пушистыми ресницами, и тонюсенькая талия – всё это вместе не давало седовласому грузинскому министру покоя. Игнорируя седенькую женщину в старушечьем платье, синем в мелкий блеклый цветочек, он через голову, через руки, через её худощавое тело активно ухаживал за моей тарелкой и моим бокалом, стараясь, чтобы они были всегда наполнены и переполнены, таким образом пытался энергично обращать внимание на свою персону. Я, избалованная вниманием мужчин, в общем-то, не реагировала на ухаживания грузинского министра, но испытывала явную неловкость от его пренебрежения к пожилой женщине. Она, как алюминиевая вилка, такая нелепая среди богато накрытого стола, насколько диссонировала с окружающей гармоничной костюмно-парадной публикой. Бабушка Варя смотрела лучистыми глазами на свою внучку в свадебном платье, её мужа в добротном костюме, таких молодых и красивых, и вспоминала себя.

...Сын моей свекрови и свёкра, а мой муж, в это прелестное летнее время пребывал в экспедиции на западном побережье Камчатки. Только что мы всей семьёй тревожились в связи с активным извержением вулкана на Камчатском полуострове, находясь в неведенье: почему нет никаких вестей от экспедиции, и чем думают эти «черти полосатые», кото-

рые истязают неизвестностью своих родных и близких. Слава богу, всё обошлось. Письмо, вовремя прибывшее, растолковало нам, глупым и необразованным, чем отличается западное побережье от восточного. Где находится цепочка вулканов, тянущаяся вдоль восточного побережья Камчатки, и где пребывают товарищи путешественники, и насколько безопасно их существование на этом полуострове. Эта информация несколько облегчила состояние ожидающих. Кто путешествует, исполняя свой долг, тот не всегда может попасть на свадьбу к своим родственникам...

...Мой свёкор однажды рассказал, как в далекие военные годы сопровождал жену своего брата Вареньку в больницу. Ему было семнадцать лет, а ей девятнадцать. Среди бела дня ей приспичило рожать, а дома не было никого, они и побрели пешком через поле. В июне рожь зеленоватая. Среди колосков алеют маки. Пахнет простором и молодой травой. Варенька то присядет от боли, то встанет и – дальше в путь, а мальчишка не знает, что делать, чем помочь, только подгоняет: «Пошли быстрее, дорогая, милая, только здесь не рожай!!!». Успели, слава богу, дочка, Катерина, получилась крепкая, красивая, три килограмма пятьсот граммов. Отца своего родного так и не увидела, он к этому времени уже был на фронте, откуда и не вернулся. Теперь эта прозрачная старушка Варвара Тимофеевна увлажненными глазами смотрела на своих потомков, и её сердце ликовало от счастья.

...А свадьба шла своим чередом: тост сменялся тостом,

песни – танцами. Но вот муж Катерины встал во весь свой немалый рост, да и предложил «заспівать», и Катюша, и мама её, и отец, пропавший на войне – все украинцы, а, как известно, поют хохлы как соловьи, на втором месте после итальянцев. Мог ли грузинский министр предположить, что тщедушная, маленькая, в скромном платье, худенькая женщина, запоёт таким высоким и сильным контральто, что перекроет весь свадебный хор из пятидесяти человек! Мог ли он знать, что когда-то в молодости её пригласили петь в знаменитый хор Веревки? В 1943 году Григорий Гурьевич Верёвка организовал Украинский государственный народный хор и по 1964 год был его художественным руководителем и главным дирижером. Хор снискал огромную популярность в СССР и за рубежом, а Варенька, которой домашние сказали: «Якою тобі хор! Ты мужняя жена, у тэбэ дитя е. Сиди дома, да и спивай, скільки душе хочеться!», иногда так пела, что в соседних избах люди слёзы лили или наоборот – ноги их в пляс пускались.

Ніч яка місячна, зоряна, ясна.

Видно, хоч голки збирай.

Вийди, кохана, працюю зморена,

хоч на хвилиночку в гай.

– выводила Варенька, да так душевно и звонко, что морозец по коже пробегал и в животе прыгал зайчик.

...Свадьба продолжалась. Шумное веселье докатилось до

ярких вечерних звёзд. Моя семья, потихоньку откланявшись, собралась домой, а я, вдохнув на крыльце рабочей столовой свежий вечерний воздух, увидела, как грузинский министр, согнувшись в три погибели, благоговейно и восторженно, придерживая под локоток старушку-девочку Вареньку, прогуливал её вдоль скверика то туда, то обратно. Его потрясение и восторг отразились на лице. Куда-то подевались заносчивость и пренебрежение, и взгляд, крутивший алюминиевую вилку в руках. На лице министра стояло удивление и сожаление о несостоявшейся звезде мирового масштаба. А кто же тогда ценил талант, когда все трудились за кусок хлеба? И эта женщина, так рано ставшая вдовой, несла свой крест с достоинством, не подернутым ни капелькой сомнения в выборе своего жизненного пути. В тяжком труде прошли её года. Заяц, плясавший в животе у грузинского министра, не унимался. Великолепие голоса этой маленькой женщины превратили его в её раба, и он, согнувшись, чтобы ей удобно было идти, что-то тихонько говорил ей на ухо, а она ему также тихо отвечала. Их призрачный диалог, неведомый никому, слышала кровожадная белка и тихий летний вечер, такой тёплый и нежный, что, казалось, никогда на свете больше не будет войны.

...Боже мой, я уже приехала. Как быстро за воспоминаниями промелькнул путь на работу!.. Не успеешь отвлечься от настоящего, как время улетело в небытие! Надо же, что вспомнилось! Бабушка Варвара! Куда только эти белки не

Доведут, какие только воспоминания не вытащат на белый свет?

Где я?

Утром на своем рабочем столе я не обнаружила рабочей синей папки. Не испытывая никакой тревоги, я стала рыться в столе, книжном шкафу и при чертежной тумбочке. Да, есть у меня некая небрежность в работе, а у кого её нет? Заглянул Аркадий Аркадиевич из соседнего отдела и пригласил на чашку кофе. Ровно пять минут и кофе там, где надо, а в нашей комнате раздрай: не успела я войти, как Ольга Семёновна, наша сотрудница, утирая пот со лба, сурово спросила меня, не видела ли я её рабочей папки?

Тут эта мымра, Наталья Петровна Сидорова, тихонько вошла в нашу комнату и так же тихо промямлила:

– Я уже обсудила наши материалы с Главным, он сказал, что мы на правильном пути и поручил мне возглавить нашу группу.

Немая сцена из Ревизора повисла в нашей комнате как туман над рекой.

Надо же! Мы неделю готовили обзор литературы по всему, что касалось хоть каким-то боком эластичных материалов для компрессионных изделий! Подобрали такой тип трикотажа, чтобы регулировка давления на тело человека не была минимально предельной, а имела хороший запас прочности и эластичности для достаточно больших давлений. Промотрели все конструкционные особенности компрессион-

ных изделий для нижних конечностей человека, и уже были готовы к обсуждению стратегии разработки компрессионного костюма для больших высот с руководителем проблемы, тем более что стратегия, как способ действий, становится особо необходимой в ситуации, когда для прямого достижения основной цели недостаточно наличных ресурсов. Мы готовы были идти к Главному и обсудить дальнейшие шаги. А тут эта мымра, Наталья Петровна Сидорова, уже собрала со столов не её урожай и в утренней росе до начала рабочего дня доложила!

У меня выпал из рук карандаш и покатился под стол, отстукивая каждым ребром последние секунды жизни Сидоровой. Мои огромные глаза округлились и превратились в блюдца, налитые багрянцем. Закипевшая в жилах кровь покрасила лицо в свекольный цвет, а влажные ладони сжались в кулаки.

Разинутый рот Ольги Семёновны, третьего сотрудника нашей так называемой «группы», никак не мог закрыться, и после оглушительной тишины побелевшая Ольга Семёновна произнесла:

– Э-э-э...

В древности военачальники выбирали себе солдат, которые при опасности краснели, а не бледнели. Это значило, что в организме таких, краснеющих при опасности, вырабатывался норадреналин – гормон отваги и мужества. А вот у бледнеющих при опасности вырабатывался адреналин – гор-

мон агрессии, таких к себе военачальники приближать опасались. И, несмотря на то, что я покраснела, а она побелела, наши катехоламины впрыснули в организмы мощное количество энергии и, переполненные возмущением, плескавшим через край, мы, наконец, обрели дар речи:

– Это кто же вам поручил, Наталья Петровна, эту миссию? – проревел мой организм не своим голосом.

– Это неприлично! – робко пролепетала Ольга Семёновна.

А Наталья Петровна проигнорировала наш глас вопиющего, продемонстрировав свою полную пустыню к глупым претензиям. Дело сделано, начальник назначен, котёл кипящих страстей не интересует руководство...

Когда после обеда в наш гадюшник зашел Главный, Наталья Петровна еще не пришла с обеда. Весёлое настроение пообедавшего начальника никак не передалось нам, но, тем не менее, он радушно изрёк:

– Сегодня Наталья Петровна порадовала меня своей информацией. Да и предложенный ею материал, вот в этой самой синей папке, что лежит у вас на столе, Ирина Кузьминична, мне очень понравился. Так что давайте подключайтесь к ней. Изучайте её материалы и объединяйтесь в группу вокруг её идей.

Если бы биополе человека могло окрашиваться в разные цвета, воспринимаемые невооруженным глазом, то мой цвет под молчаливым воздействием внутреннего посыла от бурлящего возмущения, взорвался бы черным колером с про-

блесками алого пламени и заполонил бы всю комнату.

* * *

Еду домой. Восемнадцать часов двадцать минут. Толпа в метро колышется вместе со мной. Гнев опустошил меня, ручки-ножки ватные, а в голове одна фантазия сменяет другую: то я, на манер главного героя знаменитого итальянского фильма «Развод по-итальянски», варю Сидорову в котле для кипячения белья; то превращаю её в старуху, прикованную к постели, из которой она тянется к папке с нашими талантливыми секретными разработками, но не успевает их забастать, так как смерть обрывает её скаредную жизнь; то её засасывает болотная жижа. Освободилось место, я уселась и мысли, не дающие мне покоя, кидали меня к решению о немедленном увольнении, а поиски, куда податься оскорбленному самолюбию, утыкались в пустоту.

Молодой человек, оторвавший взор от айфона и выдернувший наушник из одного уха, громко спросил, шаря во круг обалделыми глазами:

– Где я? Мы на какой шас станции метро?

Аккуратненькая старушка в шляпке с сеточной вуалью произнесла на французский манер:

– Пляс Пигаль.

– То есть? – спросил растерявшийся паренёк и пулей вылетел на станции Волоколамская.

Очнувшись от мирской суеты, погрязшая в своём гневе и глупости, я выбежала вслед за ним, так как тоже промахнула три лишних станции. Ну и погружение! Не было бы так обидно, если бы увлеклась хорошей книгой, а не своими бешеными, полными обиды, мыслями.

– Ирка! – этот голос не узнать невозможно. Я обернулась и застыла, как изваяние. С этой курицей мы не виделись 10 лет. Она ведь живет в Париже! Недаром меня задолбало самоедство, специально для того, чтобы прокатить до этой станции метро и обнаружить тут Ирку. Я, кстати, здесь сроду не была. Вот примочка!!! Мы обнялись и пошли в кафе.

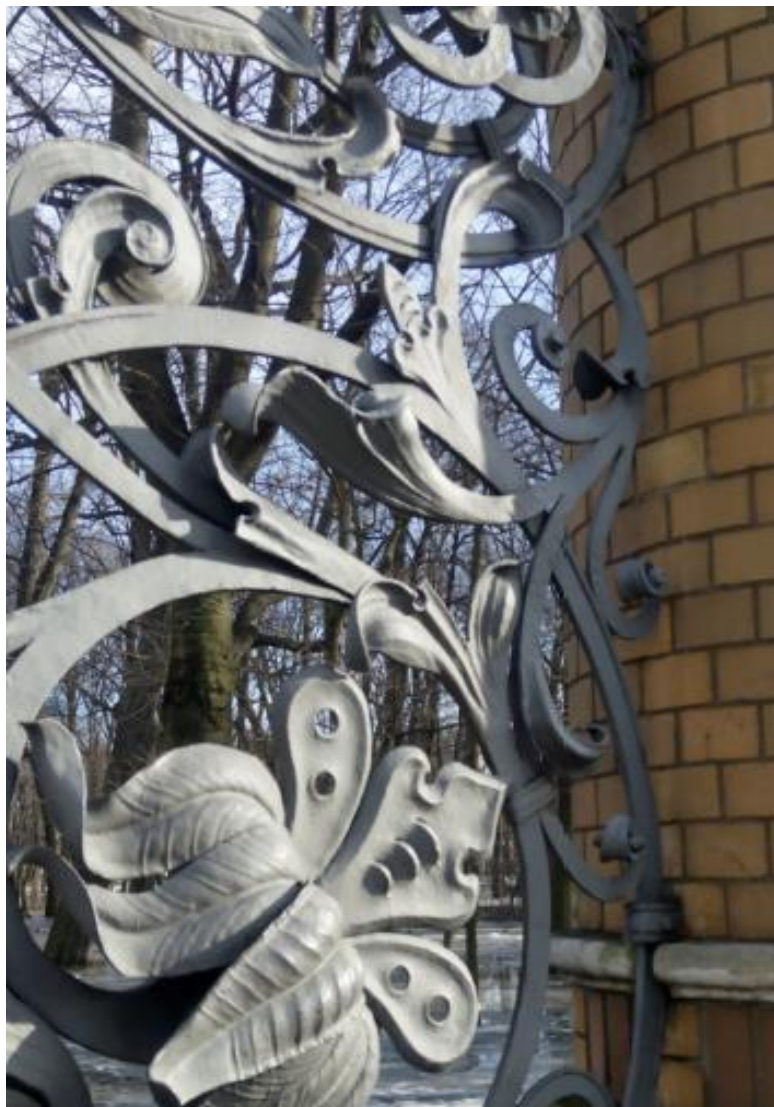
Ворующий – да насытится, обиженный да утешится, а все же несправедливость – отвратительная вещь.

Два малыша

Ранней весной, когда по утрам под каблуком ещё похрустывал ледок, образующийся за ночь на лужах, весь отдел помогал с переездом на новую квартиру другу детства любимого коллективом начальника Соколова Льва Георгиевича. Друга детства звали Павел. Хмурый, неприветливый красавец, высокий, худощавый, переполненный смятением после рухнувших надежд, он расстался не только со своей двухкомнатной квартирой на Мойке в родном городе Санкт-Петербурге и перебрался в однушку на окраине Москвы, но и с бывшей женой.

Новая среда обитания, новая работа – по специальности он был биохимиком – подразумевали начало новой жизни, такой невыносимой на берегах Невы. Не каждый решится на такие кардинальные перемены. Потребовалось несколько лет, чтобы понять и почувствовать, что еще чуть-чуть протянуть без перемен при таком активном самоедстве, и нужна будет помощь психиатра. Каждый знает: самая беспросветная жуть накрывает именно тогда, когда мусолишь свои проблемы с утра до вечера и всё глубже погружаешься в себя. Любовь исчезла, семья рухнула, как старый, отживший свой век засыпной барак, родители умерли, и морозящая атмосфера Питера стала душить, как медленно затягивающаяся на шею петля.

Откуда пришла эта нелепая, как тогда казалось, мысль, уже трудно вспомнить, но частые посиделки с другом на его кухне до утра в Москве согрели и высидели, как курица яйцо, это простое решение.

Когда тебе еще пока сорок лет, то хлопоты, связанные с переездом, даже наладили некую гармонию в душе. Требовалось суетиться, оформлять тысячу документов, а затем грузить нехитрый скарб, делать массу усилий и телодвижений, да еще и включать ленивые мозги, частично вытряхнув из них жалобы и стенания на неудавшуюся судьбу. Ничто так не врачует душу, как измотавшая тело физическая нагрузка. Перед лицом перспективы переезда в другой город меркнет душевная тоска одиночества и кажется, что всё наладится, всё будет непременно хорошо. Обязательно будет!

Друг Лев Георгиевич, с которым Павел вырос в одном дворе, окончил Московский государственный университет, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации, стал профессором и успешно преподавал и трудился в НИИ, куда и устроил на работу младшим научным сотрудником своего друга детства. В житейском плане профессор был не особенно успешен, то есть жён у него было три, проживал он с четвёртой в гражданском браке, но оптимизма он не утратил. Хотя, что значит: «Не особенно успешен?». Если такое количество дамского населения поделилось со Львом Георгиевичем своей любовной и житейской энергетикой и дове-

рилось ему и телом и духом, то, стало быть, неуспех – это категорически неправильное слово. Наоборот, щедро впитавший стольких официальных и без счёта неофициальных лирико-драматически-эротических отношений, профессор никогда не хандрил по этому поводу и всегда был уверен, что вся жизнь впереди. Поэтому он напутственно говорил Павлу:

– В минойскую культуру, эпохи средней или поздней бронзы, был изготовлен диск, найденный в городе Фест на острове Крит. До сих пор его никто прочесть не смог, кроме Михаила Веллера, который так изложил его суть: «Человек начинает с того, что жаждет счастья в любви – и кончит тем, что взорвёт вообще всё». Поэтому тебе, Пашка, еще сороковник, а ты был женат только один раз. У тебя еще всё впереди! – и с улыбкой похлопал его по плечу.

– Иди ты в баню! – тут Павел добавил несколько нецензурных выражений, чем дал понять закадычному другу, чтобы он шел ПОДАЛЬШЕ со своею любовью и женитьбой..., и если он будет продолжать в том же духе, то чтобы оттуда не возвращался...

Категорическое: «Никогда в жизни!!!» еще ни разу не было воплощено в жизнь, особенно когда тебе еще не 80 лет, цифра, кстати, не предельная...

Лаборантка отдела Юля Серова несколько засиделась в девках, как громко шептали за её спиной доброжелательные злопыхатели. Нельзя сказать, чтобы она не была хороша

собой, но несколько полноватое, к сожалению, в настоящее время не модное, тело придавало ей некоторую излишнюю взрослость. Иными словами, накидывало пяток лет сверху. Лучистые, выразительные, опущённые длинными ресницами серые глаза уж если взглянули на вас со вниманием и заинтересованностью, то этот взгляд вы долго не забудете, по крайней мере, до утра.

Юличка тащила картонную коробку на пятый этаж без лифта и, столкнувшись на лестнице с Павлом, не только посмотрела на него своим взглядом: «Какой вы, однако?!», но и облизнула блестящие румяные губки, растянувшиеся в растерянную улыбку.

Несмотря на хаос переезда, суету и неустроенность, новоселье сыграли весело и даже пели песни без гитары. Павел всё посматривал на Юличку, и даже мелькнула мрачная шальная мысль, быстро погашенная прошлыми воспоминаниями.

– Хорошенькая, но полновата. Я люблю стройных, – подумал Павел,

– И что твоя сушёная стройняга? Выпила все твои мозги и измотала всю твою душу, б...дь, – не унималась стойкая мыслишка и, как дятел, постукивала и поскрёбывала череп изнутри.

Разошлись почти под закрытие метро. Оставшись один, он медленно расстелил, как попало постель, пьяными движениями стянул одежду, уверенный, что сейчас рухнет и уснет,

как убитый, но... Сон исчез, как деньги перед авансом. Ворочаясь с боку на бок, он вспоминал искристые глаза Юлички, и мужское естество не давало сомкнуть глаз.

– Чёрт бы её взял, – в сердцах думал он, – какого лешего мне лезет в голову эта булка?

Он сел на постели. Светало. Весна. Почти конец марта. Подошел к форточке, нашел сигареты, вдохнул дым и слабо морозный воздух.

– Новая жизнь... половая... тоже необходима человеку! – подумал он с паузами между слов и пошел спать. Решение, видимо, было верным, так как заснул он мгновенно.

Дальнейшие события катились быстро, как снежный ком, обрастали страстями и наполнялись той самой жадной счастья в любви, которой писатель Михаил Веллер наградил фестский нерасшифрованный диск с острова Крит.

Юличка похудела так, что её подружки вдруг увидели в ней шестнадцатилетнюю девчонку, тоненькую, подвижную, с яркими, хрустальными, сверкающими глазами молодости. Хорошенькая, с короткой стрижкой, она напоминала озорного мальчишку, которому родители купили долгожданный велосипед. Её понесла природа как новую, только что спущенную на воду, каравеллу. Полёт Юлички сразу заметили на работе и дома. Раздутые паруса молодой каравеллы вознесли до небес её штандарт в лице Паши и раскрасили щеки в нежно розовый цвет, а губам добавили алого.

Павел, испугавшийся приплывшего неизвестно откуда

ему в руки счастья, с перепугу, дал задний ход, и страсти разгорелись не на шутку.

На Новый год, когда накрывали столы и готовились выпить и закусить у заведующего отделом Льва Григорьевича дома, Паша лихорадочно и отрывисто бросил:

– Я жениться не собираюсь. Я уже был женат, с меня хватит.

Лев нахмурился и, отвечая на телефонный звонок, проворчал:

– Сейчас выйду...

Юля сидела в машине, размазывая слёзы по щекам, не в силах произнести ни слова, только вздрагивала и плакала. Лев гладил ее по голове, промокал влагу, щедро синтезируемую слёзными железами, и искал успокоительные слова.

– Он просто дурак. Он как ребенок. Он хороший. Он трусоват. Обжегшись на молоке, дует на воду... Ну, не плачь, блин! Хватит! Сейчас я его приведу... Ты пойми, он малыш, дитя, его пожалеть надо...

Прошло пять лет.

Опять пришла весна. Удивительное дело: и весна, и лето, и зима, и осень обязательно приходят. Иногда чуть-чуть задержатся или наоборот поспешат, но всё равно приходят.

Юля готовила на кухне ужин и одним глазком заглядывала в комнату, где на одном кресле, втиснув попки рядышком, сидели её любимые. Поскольку оба обладали неуживчивым характером, то каждый требовал своё, а так как жить

друг без друга не могли, то втискивали зады на один стул. Перед ними по компьютерному экрану, разделённому пополам, шли программы по интересам: папа Паша смотрел футбол, а сынок Дима – любимый мультик про инопланетян.

– Вот засранцы, не шелохнутся. Прижались, блин, как родные! – Юля поставила тарелки на стол и решила подождать, когда закончится мультфильм.

– Какая рыбка вкусная, – подумала она, схватив кусочек и облизнувшись, обернулась к зеркалу: – Опять жопу наела! Ну, что делать? Такая моя судьба! Паша, Дима! Идите ужинать...

Восемнадцать лет в разлуке

– Останови машину – меня тошнит...

– Здесь нельзя, потерпи...

– Я не могу терпеть, останови...

– Оля, говорю же, здесь нельзя...

– Всё!!! Останови!!!

Женщина стремглав выскочила из машины, постояла, сжимая горло, на обочине шоссе судорожно вдыхая воздух.

– Поехали, прошло.

– Говорил тебе вчера: не ешь много рыбы. Вкусно, вкусно!! Если вкусно, то обожраться, что ли?

– Меня тошнит потому, что укачало. Ты же знаешь, когда я не за рулём, меня укачивает...

– Садись за руль. Пожалуйста.

– Я не могу. Я на каблуках. Каблуки 12 сантиметров.

– Я тебе свои ботинки дам...

– Очень смешно...

– Зачем ты бриллианты нацепила к джинсовому платью?

– Во-первых, у меня сегодня день рождения; во-вторых, они что, изнасятся? В-третьих, у меня джинсовое платье с шифоном и гипюром... Это модно! Как раз с таким нарядом и носят твои бриллианты. Ничего не замечаешь, так и не суйся не в своё дело...

– Да я не суюсь, очень красиво! Это я так. Бриллианты

твой, а не мои! Чего ты такая раздражительная стала! Ничего не скажи...

– Останови, меня опять тошнит.

– Здесь нельзя, здесь мост...

– А ты включи аварийку! Останови немедленно!!!

Женщина выскочила из машины и подбежала к прозрачному ограждению из оргстекла. Оно оказалось достаточно низким. Женщина наклонилась через парапет. Её волосы развевались от ветра.

– Оль, ты что, в самом деле, себя плохо чувствуешь?

– А ты не видишь, что ли?

– Ну, попей водички. Мы же не можем не ехать... Мы уже опаздываем чуть-чуть, правда... Я думаю, твоя мама уже там, гостей принимает...

– Да я знаю! С этим днём рождения! Когда чувствуешь себя неважно, ничего не хочется... Да и вообще, уже ничего не хочется... Какой болван празднует сорок пять лет? Действительно, какого чёрта я ела эту скумбрию, кусок за куском... Как будто три дня ничего не ела!.. Меня еще вчера подташнивало, а сегодня с утра просто мутит...

– Оля, прекрати! Все будет нормально! На, возьми сосалку мятную! А может, ты тово...

– Прекрати, Паш. Не дави на душу. Обжираловка до хорошего не доведет..., а от мятной меня тоже тошнит...

Оля вздохнула, и тоска заполнила её до краёв. Бесконечное лечение от бесплодия, четыре ЭКО и – никакого резуль-

тата... Тоненькая Леночка, с которой она познакомилась на этой почве в больнице, успешно выносила мальчика Коленьку и девочку Уличку. После таких успехов их отношения сошли на «нет». Это и понятно. Оля страшно рада за Лену, но сделать милое лицо и нежный голос, когда всё в тебе плачет от безнадёжности, трудно и порой невозможно... Как сказал один знакомый: «Язык – это не всегда взаимопонимание, это часто средство разобщения и даже ненависти и злобы!». Несколько радостных, поздравительных, тёплых слов для Лены уже много раз сказаны, а потом опять своя боль и тупик, из которого не выбраться...

– Паша, останови!

– Оля, садись за руль...

– На колу мочало, начинай с начала: у меня каблуки...

Оля опять вышла из машины, немного постояла, увидела середину сентября. Какой сентябрь нынче тёплый, почти летний, зелёный, и редкие прядки осенней желтизны то там, то сям колышутся на плакучих берёзах!.. Небо синее, к западу – ярко красное, и весь пейзаж смотрится как будто сквозь дымку.

– Оля, зачем ресторан заказали так далеко? Могли около дома.

– Хорошо всё же, что не на даче собрались, а то все торчали бы до утра... как в рассказе Чехова: супруги делают милые лица, а сами думают: когда же вы все, наконец, разойдётесь по домам?

– Оль, мы же любим всех их...

– Да любим, любим, мне что-то нехорошо... Это пройдет, мне уже лучше...

Павел внимательно посмотрел на Ольгу, взгляд тёплый, тягучий, медовый, прищурился и сказал:

– Уже почти подъехали. Что я тебе сейчас скажу. Внимательно меня слушай и не перебивай. Никогда не расстраивайся по пустякам, не трепи себе попусту нервы, а если на тебя накатит, сразу иди ко мне и начинай целоваться. Поняла?

– Что за бред?

Павел остановил автомобиль, обнял Ольгу, прижал свои губы к её уху и сказал:

– Повторяй за мной: «Я не буду расстраиваться по пустякам!»

– Зачем?

– Повторяй, тебе говорят!

– Хорошо. Я не буду расстраиваться по пустякам.

– И если на меня накатит, я сразу начну со мной целоваться... ну, повторяй...

– Сразу начну целоваться...

– «Со мной» забыла сказать...

– С тобой... Да выпусти меня... наконец...

Павел прижал голову Ольги к себе еще теснее и прошептал ей в самое ухо:

– Подожди, не трепыхайся, ты потеряла сережку...

– Как так? – Ольга схватилась за оба уха и обнаружила в правой мочке пустоту. – Боже мой, она же...

Она не успела ничего произнести, как Павел крепко поцеловал её.

– Паша, ты всю косметику слизал, – едва перевела дыхание, – серьги с бриллианта...

Олин голос замолк, а губы, смятые губами Паши, стали нежно откликаться на поцелуй, который длился бесконечно.

В окошко машины постучали.

– Хорош целоваться, гости уже давно собрались! – Миша, друг Павла, распахнул дверь и, смеясь, произнес:

– Ну, вы даёте! Сколько можно целоваться? Двадцать лет всё целуетесь! Пошли, мама, и отец Оли волнуются. Куда вы подевались?

– Боже мой! – воскликнула Ольга. – Я сумочку забыла, а там оба наши мобильника!!! Вот это номер!

У входа в ресторан стояли приглашенные. Олина мама бросилась к дочери со словами:

– Я звоню, звоню! Уже не знаю, что и думать! Оленька, ну, что случилось? Почему ты такая бледная? Просто зелёная. Пойдемте к столу! Все голодные! Паша, почему у тебя помада на лице? Господи, что такое случилось?

Павел крепко держал Олю за руку и шептал ей в самое ухо:

– Сними серьгу вторую и дай мне, я её в надежное место спрячу... Целоваться не хочешь? А то давай!!!

– Ну, хватит, не смешно... Мы останавливались три раза,

там и потеря валяется. – Оля вытащила из мочки уха серьгу и незаметно вложила в руку мужа.

Маленькая темная тучка, внезапно появившаяся неизвестно откуда, так же неожиданно пролилась крупным дождём. Капли забарабанили как горох по фанере, и эфир, наполненный шумом природы и гомоном людей, как отдельно существующий персонаж, большой и круглый, шумный открыл праздничное событие под названием «Юбилей».

* * *

Татьяна Ильинична Круглова уже два года как пребывала на пенсии. Активный образ жизни в виде ходьбы со скандинавскими палками, посещение театров, выставок и ведение домашнего хозяйства – готовка обедов, завтраков и ужинов; поход по магазинам, стирка и уборка квартиры, – всё это органично вписывалось в её трудовой день на пенсии. Татьяна Ильинична прекрасно знала, что лучшее воспитание любого человека с детства до его перезрелости – это личный пример. Поэтому старалась всегда быть на высоте. Если и происходил какой-нибудь прокол в её поведении, то она старалась, чтобы при этом вокруг не было ни одного человека, который бы мог уличить её в несправедности. То есть, пока никто не видит – можно и нагрешить...

Осенний вечер, пролившийся лёгким дождичком и неровно, частично смочивший кое-где асфальт, загнал Татьяну

Ильиничну под крышу остановки автобуса. Переходить дорогу по подземному переходу ей очень не хотелось. Улица пустынная, автомобилей почти нет. Молодая особь в джинсах, перепрыгивая через лужи, размахивая длинными волосами, придерживая болтающийся рюкзак, поскакала прямо через шоссе, и Татьяна Ильинична увязалась за ней. Чего только не сделаешь, поддавшись стадному чувству! Особь срезала угол, пробежала под мостом. Татьяна Ильинична не отставала. Нарушая все правила дорожного движения и безопасности на дорогах, Татьяна Ильинична ступила на мокрый асфальт и увидела среди маленьких лужиц сверкающую сережку. Серьга так переливалась, что сразу стало ясно, что это бриллианты. Пенсионерка решила, что потеря принадлежит длинноногой лохматухе, и с криком «Девушка, подождите!!!» бросилась за ней. Девушка никак не реагировала на отчаянные крики Татьяны Ильиничны и, если бы у этой стрекозы не развязались шнурки на кроссовках, она бы её, конечно, не догнала...

– Девушка! – произнесла, тяжело дыша, Татьяна Ильинична. Молодое лицо, поросшее редкой порослью отдаленно напоминающую усишки и бородачку, обернулось к ней и, вынув из уха наушник, низкий голос спросил:

– Это вы меня?

– Извините... – разочарованно прошептала пенсионерка. В ушах парня уже торчали многочисленные серьги, ничего общего не имеющие с этой находкой.

Добравшись, наконец, до дома, Татьяна Ильинична достала увеличительное стекло и принялась изучать драгоценность. Чем больше она разглядывала это чудо, тем больше убеждалась в том, что это бижутерия. Не может валяться на асфальте под мостом такой роскошный бриллиант с голубым оттенком! Недолго думая, она отправилась к соседке Белле Моисеевне Малкиндт, познания которой не ограничивались только драгоценностями. Её советы по любому поводу, касающемуся жизни мужчин, женщин и детей на нашей грешной земле, обладали такой прозорливостью, такими оригинальными решениями, такой простотой и такой исчерпаемостью, что всякий, имеющий доступ к её кухне и нуждающийся в безотлагательном совете, немедленно приходил к ней в гости со своими соответственно гостинцами. Белла Моисеевна взглянула на находку и произнесла одно лишь междометие: «Ох!». Она надолго замолчала, вертя в руках серёжку и рассматривая её на свет. Серёжка искрилась и лучилась всеми цветами радуги в зависимости от цвета светового луча. Поскольку давно наступили сумерки, то электрический свет уменьшил то голубое свечение, которое озарило Татьяну Ильиничну под мостом. Наконец она произнесла:

– Пойдем, дорогая моя, завтра к моему знакомому ювелиру Фиме и пусть он нам реально таки скажет, что это не бриллиант.

– Маша, ты не забыла, сегодня Сашенька к нам в гости приведет свою Нелю.

– Мама, Неля у нас в гостях уже сто раз была.

– Нет, Маша! Он приведет её не просто так. Они подали заявление в ЗАГС.

– Мама, кончай меня пугать! Какое заявление? В какой ЗАГС? Сашка только что окончил учиться, какая семья? Не морочь мне голову.

Маша тряхнула головой и вышла из ванной комнаты. Широко открытыми глазами она смотрела на престарелую мать:

– Мама, откуда ты всё это взяла?

– Машенька, я давно тебе хотела сказать, но Сашенька не хотел тебя расстраивать и строго-настрого мне запретил, а сейчас откладывать уже некуда. Времени мало осталось. Да и нужно с Нелиными родителями познакомиться, наконец...

– Ё-моё... – Маша присела на краешек стула и замерла, потом тихонько заскулила, как щенок.

– Маша, ну, перестань же скулить. Ты что, животное?

– Конечно, я животное, не растение же! У нас денег нет жениться.

– Машенька, денег никогда нет, но жизнь остановить невозможно. Ты пойми! А деньги, вот возьмём эту серьгу, что восемнадцать лет пролежала в копилке. За неё Белкин

Фима двадцать тысяч долларов давал, помнишь? Вот нам и свадьба!!!

* * *

– Саша, я до сих пор маме ничего не сказала. Я боюсь!

– Теперь поздно бояться. Завтра мы с мамой приедем к вам в гости. Завтра суббота, твои никуда не собирались, тут мы их и накроем.

– Если мои узнают обо всем, мне даже страшно подумать, что может быть! Как хорошо, что меня не тошнит, а то бы мама сразу догадалась...

– Честно говоря, я тоже боялся, что мама скажет, но бабуля так её уговорила, что она вместо того, чтобы обалдеть, обрадовалась... Представляешь!.. Какое, говорит, это счастье – дети... И завязала голову платком, как будто у неё голова раскалывается... Нелька, я тебя так люблю!!! Бабуля рассказывала, как она много лет назад нашла красивую серьгу с бриллиантами. Ужасно дорогую. Её хотели у неё купить, но она не согласилась, все по объявлению ждала, кто отзовется. Многие отзывались, но описать серьгу не смогли, а там у неё такой листочек из платины, а на нём буква «О», а внутри неё буква «П». И всё это вензелями переплетено.

– Саш, я так счастлива! Я так тебя люблю! Я только рожать боюсь. А ведь меня хотели отправить в Англию учиться. Хорошо, что здесь поступила. Как ты думаешь, а можно

и рожать, и учиться?

– Конечно, можно, а почему нельзя? Бабуля моя поможет. Она просто золотая!

– Это да! Твои такие чудесные. Я их так люблю! Мои-то строже. Я поздний ребёнок, долгожданный. Мама уже отчаялась, думала, что не судьба ей родить, а тут я. Так каждый шаг мой стерегут. Ужас!

* * *

Накрапывал дождь. На террасе за круглым белым столом в теплом джемпере сидел мужчина и внимательно слушал и смотрел новости по компьютеру. Конец передачи был посвящен полемике политиков: «Оправдывает ли цель средства её достижения». Звонок вывел его из внимания, разговоры в эфире перешли на повышенные тона и превратились в базар: кто громче, тот и услышан... Неля выбежала под дождь и понеслась открывать калитку.

– Неля, немедленно надень плащ или зонт возьми, что ли! – крикнула мать.

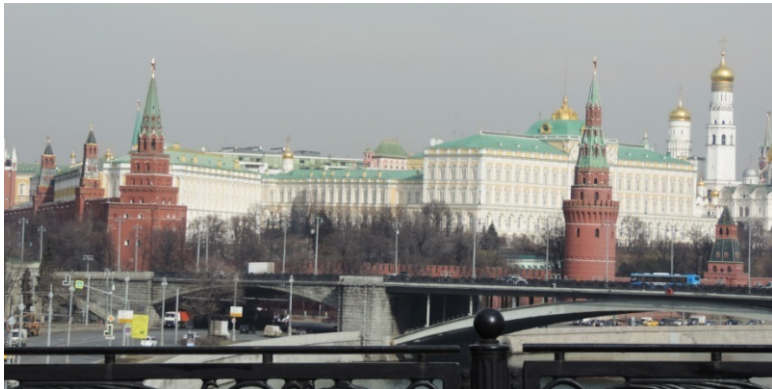
По тропинке к дому шли Мария, Александр и Неля. Саша полуобнял девушку и закрыл её зонтом.

– По-моему у нас гости... – тревожно произнесла мать.

* * *

Ответный визит Нелиных родителей в маленькую квартиру Саши, душевные разговоры о жизни, воспоминания о прошлом, планы на будущее и обсуждение свадебных мероприятий как следствие поступков неразумных влюблённых, так быстро решивших свою судьбу и также быстро переменявших судьбы близких людей, протекали естественно и тепло. Доброжелательность родителей оказалась так велика и восприятия жизненных ценностей так близки, что все персонажи почувствовали некое родство, и нежность, и покой, а когда бабушка достала из шкатулки сверкающую серёжку, положила её на белое фарфоровое блюдо, тихо повествуя об истории этой неожиданной путешественницы, мама Нели заплакала.

– А мы думали, что наша потеря – это плата за счастливую беременность!!! Хотели и со второй серьгой расстаться, но потом решили сохранить на память! Там инициалы наших имен «Павел и Ольга» на листочке, а бриллианты еще от бабушки остались...

Дама в перчатках «Гловелетты»

Просветительский проект для «широкого слушателя всех сословий» увлѣк Татьяну Сергеевну с первого концерта. Во-первых, для всех сословий выступали мастера высочайшего класса: солисты оркестра под управлением Владимира Спивакова, солисты оркестра народных инструментов России имени Н. П. Осипова, а также талантливейшие певцы и певицы Московского академического Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Во-вторых, стоимость билетов позволяла пенсионеру посещать все концерты без исключения. А в-третьих, действие проходило в Московской государственной картинной галерее народного художника Ильи Глазунова.

Милое, как Татьяне Сергеевне казалось, ушедшее в прошлое слово «сословие», напечатанное на программке к каждому концерту, в современном мире звучало как возврат в Империю с сильной рукой монарха, где социум, такой совсем недавно коммунистический, превратился в общество с феодальными отношениями. Как трактует энциклопедия: сословие – это сложившаяся на основе классовых отношений феодализма общественная группа с наследственными правилами и обязанностями, а в дореволюционной России – группа лиц, объединенная профессиональными интересами. Поскольку звериное лицо капитализма уже двадцать пять лет внимательно наблюдает за жителями России, общество расслоилось, и вот вам, пожалуйста: бедные беднеют, а богатые богатеют. Слои не перемешиваются, за редким исключени-

ем, происходит проникновение отдельных особей туда – сюда, но это мелочи.

Как уже упоминалось, самое нищее сословие – пенсионеры. Просветительский проект «Литературно – музыкальное путешествие в Париж 1900 года» следовало бы назвать благотворительным, поскольку частенько та часть нищих пенсионеров, что приползала на концерты, была очень даже просвещена своими еще советскими знаниями. Татьяна Петровна покупала билеты на все деньги, то есть всем подружкам, таким же старым каракатицам и знакомым, не прорвавшимся в олигархи.

На Московской земле что ни шаг, то история. Посетив три концерта и приобретая билеты на четвёртый, Татьяна Сергеевна полистала исторические записки прошлых лет об улицах и переулках Москвы и обнаружила, что участок, на котором было построено здание, издавна принадлежал семейству Нарышкиных. Часть участка с нынешними домами № 9-11 отошли в качестве приданого к Алексею Федоровичу Грибоедову, дяде знаменитого поэта и дипломата А.С. Грибоедова. В доме по Волхонке, 11, долгое время жил и работал художник В.А. Тропинин, здесь написан автопортрет художника на фоне московского Кремля. Именно сюда, в мастерскую художника, зимой 1826-27 гг. приходил позировать Пушкин. А вот дом № 13 так и остался за Нарышкиными. Со временем нынешний особняк, который неоднократно перестраивался, выкупила княжна Мария Петровна Оболенская, вдо-

ва прославленного генерала и героя войны 1812 г. Дмитрия Сергеевича Дохтурова. После смерти княжны Оболенской, в 1856-59 гг., в доме проживал участник декабрьского восстания 1825 г., герой войны с Наполеоном, награждённый орденом св. Анны IV-й степени, орденом св. Владимира IV-й степени с бантом, прусским орденом «За заслуги» и Кульмским крестом, полковник Сергей Петрович Трубецкой. В исторических заметках сказано, что смертная казнь князя Трубецкого была заменена на пожизненную каторгу в Сибири. Затем сроки каторги были сокращены, и спустя тридцать с лишним лет, добродушный, кроткий, молчаливый и смиренный бывший князь ходил по этим залам особняка, где сейчас мы слушали вечную музыку мастеров среди картин знаменитого художника.

Татьяна Сергеевна трепетала от поступи веков в старинных городах. Среди стен особняков и мостовых старых улиц Москвы прошло её детство. Историк по образованию, Татьяна Сергеевна всю жизнь отдала школе, где преподавала историю Древнего Мира и Руси в старших классах. Времена менялись, учебники корректировались в соответствии с приходом к власти тех или иных персонажей. Время не только неумолимо, но и опасно, и тревожно, и страшно, и очень редко – прекрасно. Какое счастье, что её предмет касался древней Руси и, как её ни уговаривали, она никогда не принимала на себя груз лукавства современной истории, даже когда жила почти нищей жизнью, от зарплаты до зарплаты. Чем

меньше знаешь, тем крепче спишь, и наоборот. «Многая познание умножает скорбь» и не даёт тебе так просто и легко влиться в современную жизнь, но наблюдать и изучать эту жизнь тебе никто не мешает...

Встреча пенсионерского коллектива была назначена на полседьмого у входа в галерею. Все билеты были у Татьяны Сергеевны, поэтому ей нельзя опаздывать, и она вышла с запасом времени. В метро она давно уже не читает, зрение плохое, да и слух тоже, но не изменяет своему увлечению молодости наблюдать за людьми.

Морозный день сменился более морозным вечером, зрелые и перезрелые москвичи и гости столицы утеплились, чего нельзя сказать о молодёжи. Когда Татьяна Сергеевна втиснулась в местечко между двумя пассажирами, зная, что ехать ей почти тридцать минут, она не обратила никакого внимания на соседей. Но когда сердце унялось и приобрело размеренный бой, соседка слева заинтересовала Татьяну Сергеевну: лица женщины абсолютно не видно, так как она уткнулась в книгу с головой; рассыпанные по плечам густые крашенные рыжие волосы закрывали все возможные просветы и перекрывали и щеку, и профиль; чёрные кожаные перчатки без пальцев с металлическими шипами на костяшках (её четырнадцатилетняя соседка называла их «гловеттами» или митенками) как раз обнажали пальцы рук, весьма не женских, грубоватых и даже старческих; черная кожаная куртка с металлическими заклепками и пряжками коряво топорщи-

лась под левым боком Татьяны Сергеевны; берцы, сильно истоптанные, кривоватые, с почти подагрическими деформациями то выныривали из-под сидения, то прятались. А когда женщина чуть отстранилась от книги, Татьяна Сергеевна увидела вместо обычных очков две увеличительные линзы и поняла, почему эта «дама» читает так близко к тексту. Лицо любительницы гловелетт, митенок и кожанов оказалось покрытым сеткой старческих морщин, и Татьяна Сергеевна с удивлением обнаружила, что «дама», пожалуй, гораздо старше её.

Крякнув от натуги, старушенция закинула на плечи рюкзак, прищемив рыжие волосы, вытащила небрежно гриву из-под лямок, и на согнутых ногах вышла на станции Арбатская. Потрясённая Татьяна Сергеевна поняла, что мир еще не устаёт её удивлять...

Литературно-музыкальное путешествие в Париж 1900 года не впечатлило компанию пенсионерок. Скучновато и не увлекательно. Они тихонько поднялись и под выкрик актёра со сцены: «Погодите уходить! Досмотрите до конца!» – пошли в гардероб одеваться.

Декабрь в этом году на удивление морозный. Заснеженная Москва, еще не убранная к Новому году, тиха и величественна. Прогулялись по улице Ленивка, нырнули под Большой Каменный мост и прошли через Александровский сад до метро «Площадь Революции». Впереди к входу в подземку Татьяна Сергеевна увидела свой недавний персонаж,

так поразивший её воображение. Рыжеволосая старушенция без головного убора (это в мороз под 10–15 градусов), шествовала со спутником в таком же кожаном убранстве. Видимо, клубы по интересам еще живут в нашем бренном мире. Абсолютно лысый дед, весь в коже с металлическими заклёпками, пряжками, шипами и висюльками, припорошённый снежком, трусил за своей избранницей, позвякивая металлом, и громко говорил ей о праздновании Нового года в горах. У турникетов бабулька сосредоточенно провалидировала свой старушечий проездной и, не оглядываясь, прошла на эскалатор. Тут произошло следующее: дед, пошарив в карманах, заметался вдоль турникетов и громко закричал:

– Зоя! Зоя! Мой кошель у тебя! Отдай карту москвича!!!

Но Зоин рюкзак уже скрылся из вида, направляясь вниз по лестнице.

– Ах ты, старая глухня! – прокричал дед, – подожди меня, едрит твою в качель! Зоя, твою мать, у меня денег нет, глухая пниха!!!

Пенсионерки переглянулись и, подхваченные инерционной толпой, погрузились на эскалатор. Молодая девушка-полицейский подошла к деду с покрасневшей лысиной и что-то тихо стала ему говорить.

Внизу у подножия эскалатора стояла растерянная металлистка-кожанка с увеличительными стеклами на глазах и высматривала своего друга. Татьяна Сергеевна хотела подойти и разъяснить ситуацию, но её подруга крепко взяла её под

руку и молча, показала на кряхтящего деда, спускающегося по лестнице по воле великодушного молодого полисмена.

– Сейчас он пристукнет старушку, – прошептала Татьяна Сергеевна.

Но дед обнял бабушку и, наконец, снял с её плеча рюкзак...

Дома после чаепития Татьяна Сергеевна достала старую зимнюю куртку, примерила её перед зеркалом, затем откопала в старых вещах потертый кожаный рюкзак внука и тоже закинула его за спину. Осталось только отыскать кожаную шапку-ушанку, подбитую мехом. Отражение в зеркале, такое нелепое и смешное, как-то печально повеяло на неё и слёзы навернулись на глаза. Глаза покраснели, увлажнились и заискрились.

– А я еще ничего!!! Могу сойти в темноте за третий сорт!..

Сердце затрепетало. Татьяна Сергеевна накапала валосердина 35 капель в рюмочку, оставшуюся от мамы на память, мысленно произнесла «Ну, за здоровье!», проглотила лекарство и рассмеялась.

Звук надежды

Сейчас нет ни одной минуточки лишней. Утро. Зоя торопится на работу. На секунду отвлеклась от джезвы с закипающим кофе и бросила взгляд в полуоткрытое окно. Прогноз погоды утверждал, что сегодняшний день будет без осадков. Шум дождя из окна радостно опровергал его слова. Кофе подло убежал, и Зоя судорожно принялась наводить чистоту на газовой плите. Спину ломит после вчерашней приборочки. Чего тереть и без того чистые полы? Лучшее – враг хорошего.

В дверь позвонили. «Никто и никогда в такую рань не звонил в дверь, – подумала Зоя, – может, опять стиралка подтекает, и соседи снизу заволновались?»

Она подошла к двери и заглянула в глазок. На пороге маячил помпон от розовой детской шапки. Зоя отперла дверь. Голубоглазая девочка примерно восьми-десяти лет протянула ей телефон и скороговоркой протрещала:

– Тётя, позвоните по этому номеру. Только быстро, вашему сыну плохо, – она нажала на клавишу и, сунув телефон в Зоины руки, села в лифт и уехала.

Всё произошло так молниеносно, что она ничего не поняла и заторможено смотрела на дешёвый телефонный аппарат.

Зоя поднесла к уху трубку и услышала сбивчивый, почти

плачущий голос сына:

– Мама, я в полиции, мне подкинули наркотики, выбили два зуба. Через час к тебе придет майор Сергеев из ФСБ, он обещал мне помочь. Отдай ему две тысячи долларов, что ты приготовила для поездки. Никому ничего не говори, мне не дают звонить, – и отключился.

У Зои затряслась сначала кожа по всему телу, потом мышцы вместе с ней, а затем и весь скелет. Коленка уже год как проживал в Америке и работал на хорошей работе. Через два месяца она собиралась ехать к нему и приготовила деньги. Мелкая тряска всего худощавого тела, как высокотемпературный озноб, не унималась. Она побежала в аптечку и достала валосердин. Никак не могла попасть в рюмочку и капала мимо по всему столу. Её мальчик, любимый и родной, в полиции, за рубежом, да еще наркотики!!! Какой дикий ужас! Волна страха захлестнула её, и она потеряла сознание.

Настойчивый звонок в дверь вернул её к жизни. На лбу сияла огромная шишка. Поморщившись от боли, Зоя подошла к глазку. Человек в куртке внятно произнёс:

– Откройте, я Сергеев.

Зоя распахнула дверь. Высокий мужчина протянул ей под нос удостоверение и четко произнёс:

– побыстрее, дорога каждая минута.

Зоя бросилась к шкафчику, вынула конверт с деньгами и отдала полковнику. Почему-то она решила, что он именно полковник.

– Как я могу связаться с Колей? Что с ним? Как это случилось? – она вцепилась в рукав офицера и не выпускала его.

– По этому же телефону позвоните через час, – коротко проговорил он, – только последние цифры 34, – резко высвободил свой крепко схваченный Зоей рукав и почему-то побежал с девятого этажа пешком, звонко отстукивая каблучками по лестничным ступеням.

Когда-то давным-давно, еще в советское время, прежде чем человека брали на работу, он проходил диспансеризацию в поликлинике и обязательно должен был принести справку из психдиспансера по месту жительства о том, что он не состоит там на учете. Зоя абсолютно была уверена, что она вполне адекватный человек, никогда не состоявший ни на каких учётах, и в принципе не может быть одурачена. А попасться на удочку мошенников, как женщина умная, априори, конечно же, не может. Скоротать целый час, который её сейчас казался вечностью, она в силах не была и металась из угла в угол, как её казалось: решительной спортивной походкой, убыстряя темп с каждой минутой, иногда переходя на бег. Когда тревожный час миновал, и она, как заведенная машинка, миллион раз попыталась набрать несуществующий номер телефона, до неё медленно дошло, что её обманули. Колин телефон откликнулся не сразу, а когда связь состоялась, он долго успокаивал мать и объяснял ей, что таких нелепых, бандитских, криминальных дел здесь, то есть в Америке, быть не может, так как каждый застрахован

и обеспечен юристом, который и решает все простые и сложные ситуации, в которые может попасть человек. Никакого майора ФСБ не существует. Это всё происки мошенников.

Зоя плакала и причитала: как же хорошо, что все живы и здоровы, зубы на месте и нет никаких наркотиков... но стресс – на то он и стресс. Выражаясь научным языком, это физическая, психическая, эмоциональная и химическая реакция тела на то, что пугает человека, раздражает его или угрожает ему.

Пережитое выбило из ритма жизни хрупкую, не очень молодую женщину, и она решила, что к Коленке отправится осенью, а сейчас ей надо развеяться и наладить свой утерянный сон. Взяв по-быстрому половину отпуска, Зоя уехала с подругой в Испанию.

Быстрая перемена мест кое-как рассосала серый ком, подкатывающийся к горлу каждый раз, когда она вспоминала беседу с участковым, который равнодушно принимал три заявления от одинаково пострадавших дам бальзаковского возраста в его подконтрольном районе. У неё даже сложилось такое впечатление, что ленивый участковый даже пальцем не пошевелит, чтобы решить такое простое дело по горячим, так сказать, следам, уж не член ли он этой самой команды ликвидирующей денежки у простофиль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.